

ОТТО МЮЛЬБЕРГ

ГДЕ-ТО В КОНЦЕ ВРЕМЕН

КИНОРОМАН

Отто Мюльберг Где-то в Конце Времен. Кинороман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28720829

ISBN 9785449019257

Аннотация

Может ли человечество преодолеть свои собственные недостатки и построить мир, неотягощенный злом? Как ему это удастся, чем придется пожертвовать? Чем новый эволюционный шаг homo sapiens будет отличаться от Апокалипсиса, и где та тонкая грань между Концом Света и началом Новой Эпохи? Может ли машина любить и верить? Что общего между Создателем и его творениями? Вопросы сами по себе вечные, но они приобретают особенно неожиданную окраску, когда их задают себе четыре отъявленных негодяя.

Содержание

1	5
2	16
3	23
4	30
5	34
6	45
7	51
8	59
9	64
10	73
11	78
12	82
13	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Где-то в Конце Времен

Кинороман

Отто Мюльберг

Моим девочкам, с кем бы они ни были.

© Отто Мюльберг, 2018

ISBN 978-5-4490-1925-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Привет, меня зовут Вилли фон Бадендорф, официально зарегистрированный в Google псевдоним – Golliwog, мне 32 года, по знаку я Водолей, родившийся в год Петуха в Нью-Праге.

Ой, чуваки, совсем забыл. Если вы родом не из нашего времени, то мне было бы не плохо коротко обрисовать ситуацию, чтобы не было лишнего недопонимания. Коренные, можете спокойно прокрутить вниз пару-тройку абзацев, вы все равно ничего нового сейчас не узнаете.

А для остальных... Па-па-па-бам! Для вас у меня сегодня только отличные новости! На старушке Земле 23 век! Но нам на это наплевать, потому что мы не там, а уже двести сорок лет как покинули бедняжку, расселившись на шести основательных искусственных планетоидах, наполненных до краев бесплатной радостью и абсолютно халявным счастьем для всех и каждого без исключения! Для вас всегда в наличии офигительная медицина, включающая омоложение, жилье на ваш выбор за счет компании, бухло и еще куча всего прочего, о чем вы и мечтать раньше не могли! «Где подкол?» – спросите вы. Отвечу. Его нет. Все мышеловки улетели за борт. Никто никого не ест, не стреляет, не сжигает на кострах и не преследует ни в какой форме ни по одному из благовидных предлогов. Эти фигли-мигли мы остави-

ли на Земле. Вы – чтите нашу коротенькую, но емкую Конституцию, а она взамен предоставляет вам право не думать о всяких назойливых мелочах вроде саркомы или не погашенного кредита.

И, да, дорогие мои собратья из далекого прошлого, как вы уже могли догадаться, у нас есть Машина Времени. Процесс это сложный и называется транстаймингом. Лично я понятия не имею, как он технически работает, но именно благодаря ему вы сейчас можете слышать этот замечательный монолог, а не гнить заживо где-то в 20-м столетии, пытаюсь не подохнуть с голода. Если вам приспичило вдруг вникнуть в тонкости – идите в универ и обратитесь к моему папэ, он там рулит Кафедрой Прикладного Транстайминга. Старикан – пионер своего дела, потому что сам из транстаймеров. Он моментом вам все это дело разжует и разложит по полкам.

«А где же конфликт?» – завопят скептики. Ой, конфликта хватает с избытком, просто он у нас другого качества.

Хм, вроде – все. С преамбулой я более-менее закончил...

Хотя нет, еще у нас по городу бродит уйма кибер-модифицированных граждан, людьми являющихся весьма условно, которых мы обзываем модами. Про них – позже, слишком животрепещущий вопрос лично для меня, чтобы вот так и вскользь.

Итак, меня зовут Вилли, я умею понемногу все на свете, ничего по-настоящему, и сколько я не кликал по поиско-

вым сайтам, так и не нашел хорошо оплачиваемой вакансии «профессиональный раздолбай».

А уж если ты сам тоже тот самый раздолбай, то поймешь мои ощущения, потому что сегодняшней день как-то сразу не задался. И то, что у раздолбаев в принципе по статистике не задается каждый второй день, меня не волновало. Не задался именно сегодняшней день (точнее вечер), а мне его еще жить да жить.

Короче, меня сегодня не впустили в «Эйфорию». Не выперли с треском, как это частенько бывало за пьяный дебош или непристойное поведение, не отказали в ВИПе, а просто-напросто не впустили, что втройне обидно! Упертая сука Патриция, которая там пашет фейс-контролем, настолько хорошо меня знала, что по походке определяла, есть у меня сегодня квоты или я снова буду весь вечер лакать халявный алкоголь с другими субсидами.

Да она сама такой же субсид! И она, и я, любой человек в Нью-Праге – субсиды, так какого черта? Я сроду нигде не работал больше года и конечно же никогда не получал официальную квоту на роскошь. Ну и что? Зато в свой тридцатник я уже поработал бартендером в легендарном «Пьяном Фениксе» (упокой его душу великий хаос), раз двадцать мелькал в различных шоу топ-10 и даже некогда владел вполне успешной танцевальной мод-группой. Так что квоты у меня частенько водились, пусть и тарифицированные, но ей-то какое дело? Чертова недотраханная стерва, появись у меня

завтра хоть полдесятка квот, снова будет мне гостеприимно улыбаться, как ни в чем не бывало, а появишься сотня, так вообще начнет присылать мне ВИП-флаеры каждые два часа. Настоящий профи эта Патриция, жаль, что не дает.

Что поделаться, будучи раздолбаем с моим стажем, бываешь готов и к такому раскладу. Я свернул за угол к драг-центру и взял себе четырехчасовую порцию эника. В клубе я бы, конечно, расфигарился чем-нибудь посильнее и до зеленых соплей, но на улице приходится быть более сдержанным, неприятности можно найти даже в нашем благополучном мире, было бы желание.

Эник мгновенно поднял мне настроение и я вальяжно заковылял куда глаза глядят, благо Нью-Прага вся одна сплошная развлекуха.

Если честно, то я обожаю свой город. Нью-Прага с самого начала была задумана, как внеземной курорт-аттракцион, а остальной планетоид стал родиной всех мыслимых развлечений только на двадцать лет позже. Здесь просто не получится скучать, а грусть быстро улетучится, стоит тебе вдохнуть наш бодрящий насквозь пропитанный смехом семнадцатилетних красоток воздух.

Так что я просто шел по упругой мостовой, мощеной псевдо-булыжником, и не спеша посматривал вокруг на рьяно тусующихся субсидов всех мастей, твердо зная, что клуб не клуб, а какую-нибудь движуху я себе просто обязан найти. И все равно, что это будет, шальной секс с уделанной фэй-

ком туристкой в кустах Пражечки, арт-баттл с вездесущими бандами бодиартистов или просто форменный запой на скорость с непотопляемыми аборигенами Ондричкова.

Ищущий, да обрящет. Первые, кого я увидел на многочисленных скверах, были мои старые знакомые Питер Брук и Маша Верещагина с одним на двоих псевдонимом – Неразлучники. Мы были знакомы тысячу лет, прошли бесстрашно, рука об руку, вдоль и поперек огонь клубного расколбаса, переплывали неоднократно бурные воды утреннего похмелья и рев медных труб шальных квот тоже не раз одновременно радовал нас своим позывом к безжалостному разгулу.

Сколько я их знаю, они всегда и везде очень ортодоксально были вместе, что поначалу удивляло, но потом я привык.

Изрядно навеселе, Неразлучники опираясь друг на друга молча сидели на скамейке залипая на окружающую их неказистую действительность. И судя по выражению их лиц, это кольцо неотвратно сужалось. Типичные признаки отходняков от ночного употребления фэйка.

– Приве-ет, Голливо-ог, – промямлила Маша. Где она подцепила эту манеру тянуть произвольные гласные – понятия не имею, но она шла к ее длинным ногам.

– Здравствуйте-здравствуйте. Вас-то мне и надо. Понимаете, я давно хотел задать вам один очень личный вопрос, но как-то стеснялся, трусил и даже порою отчаянно комплексовал. Но теперь собрал волю в кулак и готов его задать!

– Валяй.

– Только это почти неприличный вопрос, напрямую касающийся вашей личной жизни.

– Не тяни, выкладывай.

– В Нью-Пражских клубах ходит легенда, что вы в действительности сиамские близнецы, родились одновременно и непременно одновременно закончите свое брэнное существование. Бытует также мнение, что вы скрытые транстаймеры из восемнадцатого столетия или даже моды. Развейте мои сомнения и скажите, что хотя бы раз в жизни вы занимались сексом с кем-то еще, а не только друг с другом. А то меня гложет смутное подозрение переходящее в панику.

– Занимались. Но у Маши очень чувствительная слизистая, и от обычного траха ей больно, а я внимательный, и она ко мне привыкла, – уныло глядя в ничто ответил Пит.

– Черт, как прозаично. А я-то думал, что у вас любовь!

– И у нас любовь, – улыбнулась Маша, – но и слизистая тоже болит.

– Три тысячи чертей. Ладно, раз уж я вас отыскал, хватит липнуть друг к другу, пойдемте приведем вас в порядок и найдем себе развлечений. Вот вам первая сплетня – меня снова не пустили в «Эйфорию».

– Тоже мне новость. И нас с Машей не пустили. Мы вчера стойку подожгли и сбежали.

– Тусэ теряет лучших людей. Надо это отметить.

Мы влили во влюбленную парочку по стаканчику Jack Daniels и осели в «Токугаве». Медленно приходящие в себя

Неразлучники, восстанавливая ночные энергозатраты, набрали себе роллов, а я на пике прихода от эника взял стакан зеленоватого желеобразного фитопланктона, пахнущего земным морем, креветками и совсем немного тухлой рыбой.

Сплетничая о знакомых и малознакомых клубберах, я время от времени оглядывал зал. В очередной раз просеивая посетителей на предмет молодых симпатичных претенденток на сегодняшнюю ночь, я с ужасом увидел входящего в двери нашего районного Пастора Социальной Службы Коллинза. Он как почуял мое присутствие в переполненном ресторане и неумолимо двинулся в нашу сторону.

– Сейчас будет жарко, ребята. Идет мой ПСС.

– Возмолитесь, грешники, дабы предстать! – злорадно хихикнула Маша и приготовилась к зрелищу распинаемого живо в антураже роллов и плошек с соевым соусом Голливога.

Пастор Коллинз подошел к нашему столику. Пастор Коллинз вдавил меня в кресло свинцовой тяжестью своего осуждающего взгляда. Пастор Коллинз воздел карающий перст.

– Бадендорф, сколько можно филонить от общественно-полезного труда? У тебя накопилось уже трое суток, и я сильно сомневаюсь, что ты их прямо сейчас бросишься отрабатывать. Или ты сегодня-завтра начнешь вкалывать минимум по три часа в день, мод тебя побери, или я точно выйду из себя и настрочу на тебя клязу в центр. Как напиваться за счет общества, так он первый, а как отдать оному обще-

ству, так ищи его с фонарями. Кайся, я внимаю.

– Падре, зуб даю, завтра – как штык!

– Хрена с два я тебе верю. Не придешь к восьми – депеша и превентивное списание квот на месяц.

– Но падре! – Взмолился я, – я только что под эником, пожалейте мой потрепанный организм, завтра приду в себя и отработаю хоть на уборщике, хоть ассенизатором!

– Об твой организм, прости, можно поросят загигать, чтоб он был здоров. Завтра к открытию не придешь – пеняй на себя. Семьдесят два часа это уже не шутки, молодой человек, – подвел черту падре и отчалил.

– Фига себе. Как это ты трое суток накопил? – Поинтересовался Пит.

– Ну последнее время я очень удачно просыпался не у себя дома и завел привычку не выходить через переднюю дверь. Не помогло.

– Не стоит шутить с левиафанитами при исполнении, Вилли. Пасторы народ добрый, но въедливый и принципиальный. Слышал о Майкле Грине?

– Тот, который по жизни с джойнтом и любит вырубаться на охрану? А что с ним?

– Он самый. Майк на прошлой неделе уделался, разбил в каком-то заведении охраннику нос и поставил феноменальный бланш под глазом. Все бы ничего, но когда палы его начали скручивать, то дурак вывернулся и вмазал одному по почкам.

– Угроза здоровью, статья двенадцать – это ж тяжеляк! Офигеть... – Я вдруг понял, что история о бедном идиоте Майки еще не закончена.

– Так вот ему впаяли двухнедельную ссылку на Гондвану к землекопам. Придурок ни разу не успокоился. Узнав, что там разрешены фул-контакт спарринги, тут же напрыгнул в ближайшем баре на самого здорового парня, оказавшегося местным кумиром пауэрбола. Короче, через сутки по прилету Майк оказался в реанимации и не собирается выходить из комы. Так-то.

– Мрак. Но за прогул социалки ссылку не дадут.

– Зато квоты лишат запросто. Выбирай, эник и квоты или водка и субсидия. Думаю, что ответ очевиден.

– Надо срочно выпить, – я залпом засадил еще сотку, – кстати, а вы куда ходите на соцработы?

– Я на Прокопской фантазирую флористом.

– А ты, Маш?

– Она – никуда. У нее мама квоттер.

Я ошалело уставился на Верещагину. Вот так дела, я знаком с настоящей квоткой столько лет и ни ухом, ни рылом.

– День полон сюрпризов. И кто она у тебя? Ей часом не нужен талантливый, молодой и полный сил сожитель за скромное вознаграждение?

– Не уверена-а, но могу спросить. Она а-атмосферный калибратор. Вот только папэ может быть не очень доволен.

– Маш, мнение папы меня категорически не интересует.

Я понимаю, что вы оба тут скрытые транстаймеры, но ты вообще в курсе, что институт брака отменен двести лет назад, а давление на личку, это конкретная статья и тоже тяжелеяк? – Я рассмеялся и осыпался на татами.

– А-ага, в курсе. А папа – не очень. Он с Земли.

Я резко сел, виски попал не в то горло, и я судорожно закашлялся. Маша была дочкой зануды? Вот это действительно новость, так новость. Такими новостями и делиться нужно с оглядкой.

Постойте. С Земли. Так он же – баалит! Нет, спасибо, этой новостью я ни с кем делиться не буду и теперь очень хорошо понимаю, почему мне никто об этом раньше не рассказал.

– Маша. Передай папе привет, скажи, что я страшно уважаю его дочь и буду беречь ее до последнего вздоха! – Я вылупил глаза и принял максимально преданную позу.

Машка засмеялась и кинула в меня коктейльной вишенкой.

– Не волнуйся, я же говорю, он на Земле. Его сюда просто так не пускают.

– Почему? А туристом? И с мамой же он как-то познакомился?

– Тогда он работал в межпланетной адаптации, а теперь в безопасности. Их не пускают.

Утро я встретил, сидя в кабине уборщика. Работа тяжелая, но за нее шел двойной коэффициент, и мои семьдесят

два часа обязательки превращались в тридцать шесть.

Я крутил баранку квадросайкла, а в мозгу все варился вчерашний разговор. Надо же. Машкин папэ – настоящий зануда, и не просто зануда, а «без» с Земли. Рассказать детям – будут плакать от страха. Да я сам, признаться, чего-то очкую, хоть и нет вроде никакого повода. Ну да, он там, далеко. Только все баалиты, они же головой двинутые на насилии. Тем более – безы. Вон, их к нам даже на порог не впускают. Бр-р.

Интересно, а самой Машке-то каково? А маме ее? Я читал историю, как они там с женами поступали. Как она вообще ему дать додумалась? Или он и не спрашивал, наверное. Оттрахал, небось, спасибо, что не убил. Или не успел просто. Фу, блин, такие мысли теперь в голову лезут, кошмар...

2

Мой многолетний опыт утверждает, что рассвет в Нью-Праге имеет смысл встречать только двумя способами. Либо утомленно лежа в кровати с гладкой и упругой представительницей противоположного пола, либо сидя в вынужденном одиночестве в ротанговом шезлонге на заросшей диким виноградом веранде с чашкой кофе в руках, наблюдая сквозь защитный экран восход солнца и еле пробивающийся сквозь искусственные облака исчезающий белесый полумесяц Земли. Медленно изгонять из себя Морфея и ни о чем особенно не думать. И с возрастом, увы, второй вариант со мной происходит все чаще.

Я только что проснулся, закутался в клетчатый верблюжий плед и, поскрипывая старой лозой, приканчивал вторую чашку эспresso двойной итальянской обжарки. Стоял чудный ноябрь, климатологи врубили режим понижения температуры и иногда даже баловали нас настоящим снегом.

Кофеин постепенно возвращал мне интерес к жизни, я неторопливо припоминал, кто и куда приглашал меня сегодня вечером, пока в рассветном сиянии светила, поскрипывая инеем под башмаками сорок пятого размера, подобно гигантскому вопросительному знаку на притихшем утреннем Прикопе не появился Лёва Флям, ник в Google отсутствует.

Лева был замечательный умница, немного философ,

немного бабник, жил неподалеку, мы часто встречались, болтали, но никогда не завтракали вместе и никуда совместно не ходили скорее всего по причине моего невообразимого образа жизни.

– Ма нишма?! – Заорал я на всю улицу.

– Ала кефак, чо, – Лёва, всем своим видом показывая, что утро и «кефак» – две вещи несовместимые. Выглядел он как-то хреново, круги под глазами, ноги заплетаются.

– Кофе будешь?

– Буду. Водка есть?

– Водка с шесть утра с айдом? Конечно есть, заходи. На закуску – немного лососевой икорки, ее вам кажется можно. Что стряслось, на тебе лица нет. Посадил кляксу, переписывая Тору?

– Мой кулак сейчас абсолютно случайно прилетит тебе в ухо, и я достигну иштавут, потому что это будет псих рейша бэ-грома, Вилли. Ты слишком рано встал, твое чувство юмора оставляет желать лучшего, и ты знаешь всего десять слов на иврите, но постоянно пытаешься их ввернуть, разговаривая со мной. О чем это говорит?

– Прости дурака, Лёва, – я мгновенно налил по стопке, – до сих пор не понимаю, где можно шутить, а где – не стоит. Так что у тебя, колись.

– Я нашел работу.

– Ух ты. За квоты?

– За квоты.

– А в чем проблема?

– Долго объяснять, – Лёва обреченно выпил и зачерпнул одноразовой пластиковой ложечкой икры.

– А ты куда-то спешишь?

– Вилли, это теологический вопрос. Ты хочешь поговорить о религии с евреем?

– Зависит от того, хочет ли еврей говорить на волнующую его тему с катящимся по наклонной гоем, который наверняка прогулял все до одной лекции по теории религии и не только. Если не хочет, то может пить водку молча, его никто за язык не тянет, но пить и говорить все же интереснее.

Лёва налил по второй и пощипал себя за ухо, явно раздумывая, с чего бы такого начать и стоит ли начинать. Потом, так же молча, по третьей.

Я уже начал волноваться, но Лёву все же наконец прорвало.

– Вилли, ты наверняка слышал краем уха, что ваш левиафанизм считается там, на земле, – он ткнул пальцем куда-то в небо, – одним из направлений сатанизма? Это не смотря на то, что он категорически отрицает любое насилие над личностью, а физическое насилие наказуемо почти без суда и следствия?

– Ну, было дело, только я плевал на зануд с высокой каланчи. Тем более, что это наш общий Левиафанизм. Мы Тору не писали, целиком положившись на съевших на этом пуд соли евреев. А к чему этот наверняка жутко каверзный во-

прос?

– К тому, что левиафанизм нарушает базовые моральные основы, которые земное человечество пронесло через века. Преобладание бога над человеком, брак, как первоначальная ячейка общества и координация власти. Скажи мне по честному, у тебя есть дети?

– Не уверен... В теории могли бы быть, с моей-то любовью к стелс-кримингу, но зная возможности современной фармацевтики – вряд ли.

– Вот то-то и оно. Ладно. Представь, что у тебя они все же есть. Причем от каждой второй сожительницы. Как ты бы их воспитал?

Я напрягся. Вопрос был с подвохом, других Лёва задавать не умел.

– Так-то, а чему я их могу научить? Бухать Чивас из горла, крутить хвосты малолетним телочкам и юзать легалайз? Не уверен, что им оно надо. Такому дети сами стремительно научатся, как показывает моя личная практика. Наша система воспитания, Лёв, меня вполне устраивает. Родился, гехен нахт скуль, и ура. ПСС забирает детей сразу после рождения с правом родителей навещать чадо по два часа в сутки. Вполне резонно, на меня посмотри, какой из меня папэ? А прикинь, чему их могли бы научить баалиты? Эти, по слухам, за неправильное произношение могут за шею повесить, не говоря уже какие книжки ты читал и какие стимуляторы нюхаешь. Представь, идешь ты себе по улице, пьянющий

в сосисоид, дикция гуляет, а тебе четырнадцатилетний подросток с ножиком: «Дядь, скажи членораздельно «Подвзбзднуть?». А если не скажешь, он тебе этим самым ножиком бедренную аорту порежет. Да ну его в пень, Лёва. Что тебе тут не нравится?

– Мне не нравится? Мне как раз тоже нравится. А зану дам – нет. Потому что твои вероятностные дети скорее всего вырастут с таким же перегибом, как и у тебя. И хрена с два, кто их заставит носить одинаковую одежду, слушать непосредственные приказы и любить бога. Вот ты любишь своего бога, Вилли? Или хотя бы веришь в него?

Вот, блин. Прямо школьная программа какая-то, третий класс, вторая четверть.

– Лёва, ты загнался. Я верю в систематику, логику, личные убеждения, верю в силу ядерного оружия, любви и непобедимости безопасных синтетических наркотиков. Я верю, что я могу один сделать мир лучше. Или хуже. И никто мне не судья, кроме моих предположительных потомков. Бог в персонификации – всего лишь наивная фантазия неандертальцев. А лично Левиафану просто нужно тело, которое мы ему должны построить, на каждого в отдельности человека ему положительно и конкретно начхать. Он же нас даже не слышит по отдельности. Бог как таковой – всего лишь собирательный персонаж из ряда многочисленных демигодов с теми или иными индивидуальными амбициями, одним из которых и является Левиафан.

– И?

– И все. Развитием религиозной теории занимаетесь вы, евреи, мне это дело не шибко уперлось, нам и так зашибись. Тем более, что нарушить семь заповедей не получится даже если постараться, Молох не спит и всегда на страже.

– Молох – машина. То, что он предотвращает любые нарушения закона, вовсе не делает его всесильным. Вы сами это делаете, вам больше не нужны преступления. И за это вас и не пускают на землю, а землян не пускают на Пантею. В любом земном исламском халифате, между тем, тебе только за предыдущую фразу о боге вгонят кол в анус, в христианском доминионе вставят шприц с цианидом, а в краях, где до сих пор свирепствует адат – просто проломают макушку первым подвернувшимся под руку камнем. Детей вы сами не воспитываете, собственного бога терпеть не можете и на приказы – не реагируете. Очень нежелательный пример, тебе не кажется?

– А для чего, по-твоему, все левиафаниты улетели с Земли? Как раз чтобы подавать нежелательный пример занудам и учить их плохому, нет?

– Вполне похоже на вопрос. Бессмысленный, правда, но почти настоящий, Вилли. Почти всамделишный.

Лёва наконец-то явно поплыл. Я, к слову, тоже. Надраться в зюю к семи утра – это давно забытый опыт. Я помнил, что хотел ведь что-то спросить насчет этой его новой работы...

Пока Лёва шел, шатаясь, по На Прикопе, я пытался-таки

понять, что он вообще хотел мне всем этим сказать, но водка брала свое, и я блаженно провалился в дарованное ею черное забытьё.

3

Сегодня выдался воистину замечательный день. Мне удалось размутить себе семьсот кредитов в качестве аванса в «Пантея Комфорт» в счет корпоратива на будущий юбилей фирмы, которые я мгновенно переконвертировал в двенадцать квот. Так что этой ночью я, разумеется, просто не мог не отжечь.

Быть клуббером в Нью-Праге – точная наука плюс высокое искусство. Нужно все время держать нос по ветру, быть в курсе клубного рейтинга, который может прыгать по три-четыре раза за ночь, мониторить ротацию всех до единого проставленных модов, фиксировать собственный приход, чтобы не залипнуть на стимулах, и не прошляпить «адажио», и ни в коем случае не перепутать его с шальным «обломом». Одновременно, разумеется, было бы не плохо успеть склеить целевой гарем и самому не стать добычей какого-нибудь мода, которому ты неожиданно пришелся по вкусу.

Три кита клубного драйва от Вилли звучат так – транспорт, шмотки, моветон. И одна большая черепаха, на которую опирается весь этот зверинец – твой фэшн-статус.

Увы, я был беден, и, соответственно, мой первый кит был карликовым и рахитичным. Мотылять на моноцикле я мог бы себе позволить, но на мониках гоняли все кому не лень, а прослыть стандартным для клуббера – пря-

мой путь в черные списки инвайтеров. Так что если я хотел и в дальнейшем иметь возможность клубить в приличных местах, я был просто обязан приезжать минимум на дуо. Но на дуо я так никогда и не смог накопить, порою приближаясь к заветной сумме, но каждый раз сливая квоты в очередном загуле.

Со шмотом у меня все тоже было бы печально, но регулярные подработки на всяких шоу приносили плоды в качестве миллиона шапочных знакомств с несметным количеством известных кутюрье. У которых я, впрочем, ничего никогда не покупал, предпочитая дресс-инженеров, у которых тоже ничего не покупал. Липу от оригинала в наше время можно отличить только под электронным микроскопом, и спалить тебя было практически невозможно, но если это все же произошло, то твоей репутации конец.

О нет, Вилли Бадендорф не такой идиот, чтобы рисковать по пустякам самым дорогим в его жизни.

Тем более, что на страже моей безопасности всегда стоял мой третий кит, который в отличие от собратьев действительно был матерым и, ужас, каким зубастым кашалотом.

Имя ему было – Моветон, а с этим у меня сроду было все в порядке.

Быть приличным мальчиком в моем возрасте уже само по себе практически невозможно, да и предосудительно. А ваш покорный слуга долгие годы работал над имиджем не покладая рук, и теперь мой имидж наконец-то стал рабо-

тать на меня.

Я приходил в клуб пешком, одетый в коряво сшитый местами хэнд-мэйд, и мне были рады. Я регулярно гонял по сцене визжащих стриптизерш, и это считалось нормальным продолжением банкета. Я мог сблевать ненароком прямо на пол, не дотянув до сортира, но арт-директоры знали, что слейся по какой-то причине их бармен, голопэйнтер, виджей или дэнс-кастер – я в любом состоянии смогу их отлично заменить. А если вмазать меня на халяву авиком, смогу заменить всех их одновременно.

Мой фэшн-статус зашкаливал просто потому, что клубы были моей жизнью, а я был частью жизни любого мало-мальски интересного клуба.

Так что я напялил на себя первую попавшуюся домотканую робу из грубого полотна, влез босыми ногами в замызганные штиблеты, засадил стошку чистого спирта на голодный желудок и вмазал колесо фэйка, уже нагло глядя в глаза Патриции, которая, широко улыбаясь, без лишних вопросов лично распахнула для меня двери в наш сумасшедший рай под названием «Эйфория».

О-о, хоум, свит факинг хоум! В тебяходишь, как в женщину, и я чувствовал, что эта женщина сегодня хочет меня, потому, что я – охуенен, и на моем чипе лежат двенадцать квот на роскошь.

Три квоты за VIP, квота за спец-бар, еще одна квота – страховка за то, что я неминуемо расколочу сегодня из клуб-

ного оборудования. Остальное я буду тратить, как захочу и с кем захочу. Эй, мамыши, прячьте дочек – космический барон Вилли фон Бадендорф вышел на охоту!

Было всего половина двенадцатого, моды с субсидиями только-только продрали глаза и начали подтягиваться.

Под потолком висел облепленный сенсорами VJ Nemul, пока еще моделирующий в полноги нечто нейтральное по жанру. Его время придет через час-полтора, когда Хемуль стимулирует оба полушария, и начнется настоящий импровайз. Тут надо будет не скатиться и вовремя отсканировать рейтинг, стоит ли и дальше на нем залипать или пора сменить танцпол.

Первым делом я завернул к стойке. Сегодня работала Полли, ничего так телочка с третьим размером, но не шибко симпатичная и не шибко умная. Зато добрая и отзывчивая, типичный нищий транстаймер. Мне она была безразлична, поэтому я не стал засиживаться, взял сразу бутылку земного рома и развалился в углу поближе к сцене.

На разогреве этой ночью выступали две рыжие близняшки, очень натурально косившие под модок, только я точно знал, что все их геометрически выверенные округлости, которые можно было счесть плодом профессионального гения дорогого хирурга, на самом деле являлись делом рук ма-тушки природы. Знал на практике, потому что уже на второй день появления близняшек в «Эйфории», умудрился утащить обеих неопытных сестренок «пойти посмотреть го-

род».

Теперь они меня могли заинтересовать только как запасной вариант, но чаевые я им оставлял приличные, потому как запасной вариант должен всегда оставаться стопудовым.

Стоило мне уронить на диван седалище, как в VIP с радостными воплями завалилась целая стая прожжённых клубных волков. Среди них были и Неразлучники, и Ми-Ми Фэйр (моя бывшая), и Дэнни ака Freak, и VJ Gringo, и все остальные.

Начался этап манерных «здрассте-здрассте, чмоки-чмоки», содержимое бутылки рома мгновенно испарилась, а я обеднел на двадцать кредитов, зато в моем кармане нарисовался полу-легальный джоинт с Белой Вдовой.

– Тусэ-э, мой милый Голли, это самый дорого-ой и бесполезный способ самоубийства, не находишь? – Задала риторический вопрос Верещагина (уже очень-очень под виртом).

– Скопытиться от безопасных стимуляторов невозможно, это клинически доказано, поэтому если тебе все надоело, то попроси Пита нежно затрахать тебя до состояния комы, если он еще на это способен. Но лучше выпей со мной, я сегодня кучу, а не угостить вас обоих – это преступление и смерть от стыда и позора.

– Добрый старый развратник Голливог снова обокрал какой-то наивный офис! Мастерство не пропьешь, но попытаться стоит. Или тебе отсыпал от щедрот твой папэ? Я видела его сегодня в чумовом квадросайкле на Мостах. Стари-

чок держится бодрячком, у вас это фамильная черта.

Я удивился. Моего папэ трудно было заподозрить в кво́терстве, за уши не вытащить из Фликс-Тауна, а когда он все же вылезал из этой глуши в цивилизованный мир, то сам первым делом сигналил мне и настаивал на встрече в надежде устроить сыну торжественную нотацию, как оно было положено в каменном веке. Ясное дело, что я не велся. Но выглядел он действительно всегда на удивление молодо и замечательно.

– Ты уверена, что это был именно мой папэ? Насколько я знаю, мой – неисправимый субсид и пользуется общественным транспортом, как и я, впрочем.

– Голли, он же преподавал нам практический транстайминг. Как я могу забыть профессора, которому сделала самый качественный в его жизни минет за сраную четверку в семестре?

– Тогда точно он... Вот ведь старый хрыч! Его сын буквально еле сводит концы с концами, а он и бровью не ведет. Самое ужасное, что ему двести с лишним лет, и есть все шансы, что он проживет еще столько же. Не судьба мне получить в наследство квадрик в ближайшее время. И что, большой у него член?

– Здоровенный. Поэтому я с тобой дружу без попыток переспать из боязни, что вдруг у тебя такой же?

– А я, потому что меня наверняка отравит Пит. Слабительным мгновенного действия. Без ревности причем отра-

вит, просто из принципа. Если, правда, первым до меня не доберется твой папэ.

– Ну не знаю, твоего папэ это ни капельки не беспокоило.

– Знаешь, мне пришло в голову, что по сути нет разницы, атеист ли ты или религиозен.

Мир в любом случае останется гармоничен и прекрасен, бесконечен и интересен.

А бессмысленный ужас творят сами люди, ленивые и легко обвиняющие других в содеянном. Мой папэ тоже баалит был. Может стоит перестать нервничать и уже начать лезть тебе под юбку?

– Эта мысль не нова. Нет, Вилли, я не хочу терять про-веренного собутыльника из-за случайного оргазма. Трахни лучше Софи, она только что от хирурга и обожает толстые мужские пиписьки. А мне можешь выставить обещанную бутылку, а то что-то начинает отпускать.

И я сделал, как она просила. И с бутылкой, и с Софи.

4

Брунгильда, это моя кошка. Наглое, аморальное, меркантильное, привыкшее ко всеобщему обожанию существо сомнительного происхождения. Не понимаю, что я нашел в этой стерве.

Но в данный момент я лежал в неудобной позе на жестком полу, а Брунька делала вид, что спит у меня на груди. Я знал, что она не спит, а она знала, что я знаю.

Я лежал, страдал и думал. Думается лежа не в пример лучше. Страдая – еще лучше.

Думал о том, что пипец как хочется позвонить папэ, но первым звонить папэ, которого я десять лет динамил в хвост и в гриву – как-то не маза. Тем более, если вдруг Машка все же перепутала, и это был вовсе не мой папэ? Но квадрик-то хочется...

И я решился. Если сейчас я встану, и Брунгильда с меня оскорбленно спрыгнет – не позвоню. А если вцепится и потребует лежать и страдать дальше, то позвоню. Учитывая, что Брунька еще ни разу в меня не вцеплялась, котячья дочь, то шансов на позвонить я себе практически не оставлял, так меня плющило при мысли о неизбежности родительских нотаций при любом раскладе.

Великий хаос любит черный юмор.

Мобайл позвонил сам.

Я вскочил.

Бруня выпустила когти и съехала по моей груди и животу вниз, радостно поглядывая на двадцать стремительно наливающихся пурпуром идеально прямых линий.

– Бля-а-ать, су-у-ука! – Заорал я в поднятую трубку.

– Вилли, ты в порядке? – Озабоченно спросил папэ.

– Эта мохнатая падла только что выпустила кишки твоему наследнику, пап. Я пригрел на груди змею и теперь истекаю кровью. У тебя пятнадцать секунд, пока я не откинул копыта.

– Бруне – привет. Чо, как сам?

– Подыхаю. Я слышал, что ты потрахиваешь своих студентов, тебе часом не влетит от ПСС и деканата?

– Не тот случай, я сжег на факультете все камеры электромагнитным импульсом и насмерть незаменим. Так, что, встретимся?

– А это твой квадрик?

– Ага.

– Тогда через пятнадцать минут в Магницком. Счет оплачиваешь ты. Я голоден как собака.

– Смотри, не опоздай.

– Попрощайся с тачкой, папэ. Уже вылетаю, – сказал я и бросил трубку.

Папэ был неподражаем, вот он – опыт столетий. Я решительно терялся в своем кляб-дрессе на фоне одетого в пиджак от Ле Шане слегка небритого, слегка попахивающего коньячком, слегка седеющего доминантного самца, который

без стеснения стадами пялит на работе самочек на 170 лет младше себя. Есть к чему стремиться, плюс-минус.

– Шалом, Вилли.

– И тебе не кашлять. Где поднялся на квоты?

– Да оно сроду было, просто вдруг захотелось песок из трусов вытрясти. Все ради потомства, если гора не идет к Магомету, можно купить фуникулёр. Прости, но я нынче по делу.

Кажись меня пронесло мимо нотаций, аве Левиафанус Максимус!

– Какого сорта предложение?

– Косарь квот за маленькую услугу. И никакого криминала.

– Криминал? Вас ист дас?

– Прости, порою забываю, где я живу. Короче, я тебе дам адресок в Нью-Мюнixe, сгоняй туда, передай привет своей тетке, отдай ей вот это и забери то, что она тебе для меня даст, и тачка твоя. Считай это подарком на именины. Плюс косарь. Плюс я ничего не скажу тебе по поводу твоего внешнего вида и стиля жизни ни сегодня, ни в дальнейшем. По рукам? – Папэ бросил на стол тоненький сверток в неразрываемой обертке с адресом некоей Эрики Фальк.

– Папэ, ты только что нанял себе самого любящего в мире посыльного и стремительного сына. А еще перспективные тетки у меня есть, или это единичный гешефт?

– Все зависит от твоей мобильности. Увижу результат,

и тетки найдутся. Ты еще здесь?

– Конечно тут. Представительские расходы, дорожный взнос, отсутствие указаний по форме позиционирования курсанта оставляют желать лучшего.

– Хороший мальчик. Держи, – улыбнулся Гюнтер фон Бадендорф, отстегнул мне сотку квот и бровью не повел.

Первый раз в жизни я бежал по улице и думал, как же пиздато, когда у тебя есть надежная, любящая и, надеюсь, что очень и очень многочисленная семья.

Стоило мне рассказать Неразлучникам, куда я еду, как они решительно сели мне на хвост.

– Мы едем с тобой, Голли, думай, что хочешь. Завтра в Нью-Мюнхене стартует карнавал, а люкс на четверых обойдется на девять квот дешевле двух двухместных, – Машка видимо уже все просчитала, – ты будешь подсматривать за мною в душе, Пит отлично готовит, а телочки, которых ты будешь таскать в свою комнату, вряд ли откажутся от маленькой групповушечки.

Про карнавал я и сам думал – это было событие года, и если повезет промутьиться, то вполне можно было оказаться в светских хрониках, что было для нас всех ощутимым шагом вперед.

А перспектива групповухи с участием Верещагиной сама по себе стала решающим доводом, потому что после той вечеринки, к немалому моему удивлению, Машка начала регулярно всплывать в моих эротических фантазиях.

Я согласился почти не ломаясь.

Мы загрузились налегке в модуль и уже через час перемещения с визгом и грохотом по транспортному тоннелю парковали свои неугомонные задницы в Нью-Мюнхенском отеле Мериголд. Пит было что-то начал скулить об экономии, но я ему ткнул в морду чипом и велел заткнуться, пока его

спонсоры заняты выбором люкса.

За свою жизнь мне достаточно пришлось повидать хостелов, кемпингов и мотелей, ребята. Так вот, люкс в пятизвездочном Меригольде – это нечто. Хрустальные люстры, мраморные лестницы, земное шампанское, портье в ливреях – все это было к нашим услугам за какие-то тридцать квот в сутки. Я лежал в кожаном кресле размером с небольшой дом, глотал потихоньку из горла Арманьяк, смотрел на голые ноги Верещагиной и думал о том, что в мире нет никакой справедливости.

Возьмем, к примеру, меня. Молодой, талантливый, энергичный человек, в свои тридцать лет я так и не смог найти свое место в жизни просто потому, что в нашем суетном мире не осталось места для настоящего авантюриста. Никто никуда не плывет по волнам под черным флагом и не выменивает за горсть стекляшек землю, где будет построен новый город. Не осталось больше ни секретных агентов, ни их врагов. Время романтиков ушло, империя больших надежд пала, и, максимум, к чему вы можете приложить свою фантазию – это дизайн одноразовой, как пластиковый стакан, вечеринки для таких же, как вы сам, любителей разрешенных стимуляторов.

Грустно, что на карте солнечной системы не осталось белых пятен, а наивысшую квоту на роскошь получают фермеры и программисты беспилотников для сбора мелких метеоритов.

Из полупьяного транса меня вывел настойчивый стук в дверь номера.

Я открыл и обнаружил на пороге улыбающуюся во все свои тридцать два искусственных зуба давно, казалось бы, умершую Мерлин Монро.

Анна Микель – второсортная телевизионная актриса с неслабым крупом и полным отсутствием вкуса, таланта и мозга. Некогда, работая кастинг-директором в одном сомнительном шоу, ваш покорный слуга откопал ее на какой-то помойке и протасил на ТВ показывать сиськи, за что Анна теперь мне очень благодарна. Она безотказна, беззащитна и трогательно глупа, исправно дает всем в рабочей группе, чем и обязана тому, что у нее всегда есть работа. Имидж у нее не сказать, чтобы отличался оригинальностью, но Микель тратит на модификации большую половину гонорара, так что Монро из нее вышла, какая надо.

Вот только встретить Микель-Монро в отеле Мериголд было для меня фиговым сюрпризом. Аня может часами нести феерический бред, не вызывая при этом особого раздражения, но человеку, который ее приволок на телевидение, я лично устроил бы темную.

Отвязаться от Ани еще не удавалась никому, а грубить ей было, как грубить ребенку – абсолютно невозможно.

– Ой, Голли! А я все думала, ты это или не ты! Вы приехали на карнавал? Я тоже, представляешь себе? Меня будут снимать на открытия, я буду ехать в настоящем лимузине

и махать всем рукой! Так здорово!

– Действительно очень неожиданный режиссерский ход, – чувства юмора для Анюты не существовало, – ты здесь с каким каналом?

– С «ПСС-Релакс». Они такие клевые, даже поселили нас в этом отеле в одном номере с режиссером, но он куда-то сегодня утром убежал и до сих пор не вернулся, понять не могу, куда он запропастился?

– Наверняка его тело уже вылавливают из канала. Предсмертная записка лежит во внутреннем кармане пиджака.

– Ну вечно ты так страшно шутишь! Зато я могу теперь потусоваться с вами! – Я знал, что смертельный приговор неизбежен.

Сбагрив Анюту на немного обалдевших от такой наглости Неразлучников, я набрал на мобиле номер тети Эрики.

– Здравсте, фройляйн Эрика, это Вилли.

– А-а, привет, Виллечка, ты уже приехал?

– Да, мы тут с ребятами обосновались в Мериголде, как нам вас найти?

– А, это в центре на Мариенплац? Сегодня в три там будет открытие карнавала, приходите. Папа мне ничего не передавал?

– Передавал, все принесу.

– Ну и замечательно. Увидимся, – проворковала голосом без возраста тетя Эрика и дала отбой.

Пора было заработать косарь, и мы выдвинулись на Ма-

риенплац (бросить Анну одну в нашем номере я не рискнул).

Странное дело. Когда мы садились в лифт, идущий на пешеходный уровень, мне показалось, что из-за угла вышли двое мужчин в совершенно **ОДИНАКОВЫХ** черных костюмах, одинаково здоровенные, как игроки в пауэрбол, и одинаково лысые... Кажется, легенды о том, что если смешать в правильной пропорции фэйк с эником, то получается пролонгированный галлюциногенный эффект – верны на все сто.

Мариенплац напоминала живой котел. Окруженная с четырех сторон отелями, музеями, информационными центрами и одной консерваторией, площадь сегодня превратилась в улыбающееся, полупьяное от счастья, поющее и танцующее многотелое божество радости.

На ступеньках памятника Адепту Илаю толпа из ста (или двухсот?) голопэйнтеров устроили баттл на тему художников эпохи Возрождения и способов анимации их шедевров. Транстаймеры в национальных костюмах оккупировали парпет отеля Хилтон. На подходах к нашему родному Мериголд-отелю гремел пси-памп в исполнении как минимум пятнадцати VJеев. Под разрывающий в мясо бит некошеное поле лиловых, розовых, алых, ультрамариновых и нежно-зеленых ирокезов, пэйсов, хаеров многотысячной толпы подпрыгивали, колыхались и ритмично дрожали в почти эротическом предвкушении карнавала.

– Вот это я понимаю – расколбас! И как нам здесь отко-

пать мою престарелую тетушку Эрику?

– А мобил на что? – Вечно скучающий Пит оставался бессовестным циником даже на фоне угара мирового масштаба.

Ну вот. А мобил-то остался в номере. Тут или думать о бутылке Арманьяка, или о давно надоевшем гаджете, который каждый день упорно пытается тебя поработить. Идти в номер жутко ломало.

– Анют, можешь сделать мне одно одолжение и ты больше мне ничего не должна? – Микель посмотрела на меня и облизнула в предвкушении свои ярко алые губы. Я содрогнулся, – Не оральный секс. Притащи мне из номера мой мобил? Он в кресле возле бара.

– Конечно, Вилли, а еще бутылочку коньячка захватить?

– Две. И виски для себя, – Анюта, насколько я ее знаю, тоже была с алкоголем на ты.

Видеть, как по переполненной площади удаляется Мерлин Монро, которую ты только что послал за бухлом – очень двойственное чувство.

Вдруг на секунду все звуки затихли. Над Мариенплац возник огромный голоэкрэн, на котором пошел обратный отсчет. До начала карнавала оставалось три часа.

Анюта вернулась очень быстро и тащила на одну бутылку вискаря больше заказанного. Я хотел ей что-нибудь съязвить, но она как-то странно посмотрела на нас всех и молча протянула горсть непонятных микросхем. При более тщательном изучении они оказались останками моего разбитого

в лепешку мобилia.

– За что ты его так, Анечка?

– Видимо твой мобилia пытался воспользоваться Аней и отобрать коньяк. Не тут-то было, она дралась как львица. Злодей пал, справедливость торжествует, – предположила Верещагина.

Микель не обратила никакого внимания на Машин сарказм, одним отточенным плавным движением большого пальца открыла бутылку Black Label так, что сорванная пробка еще какое-то время вращалась на горлышке, и сделала богатырский глоток.

– Ребята, ваш номер ограбили, – в глазах Микель-Монро застыл неподдельный ужас.

Я цинично заржал и взялся за коньяк.

Пить дорогуший коньяк из горла на улице дано не каждому. Прохожий с бутылкой Арманьяка – это уже не прохожий. Это знак свыше, это перст судьбы. Именно ему дают самые интересные девушки, именно его прозвище знают везде и всюду – от борделя до аукциона Кристи. Он – олицетворение тревожного сигнала, что один из вас двоих – неудачник, и это точно не он.

В моем случае все было еще пикантней. Я не только пил его из горла, но еще и опирался на широкие, крепкие, дочерна завяленные в солярии бедра неувядающей старушки Монро. Просто хоть памятник отливай из бронзы, настолько момент подходящий.

– Вот я всегда считал себя душевнобольным, если честно. А послушал Аню и понял, что я здоров, как бык.

Беспокоиться было не о чем. Если случилось немыслимое, и номер действительно ограбили, то нас это не беспокоило ни капельки. Алкоголь цел, мобил восстанавливается в любом магазине за 30 секунд, а каких-то нужных кому-то из нас вещей в номере не было, мы, клабберы со стажем, привыкли передвигаться налегке. А если Аня допилась-таки до тихой шизофрении, так оно же дело наживное, ей не впервой.

Успокаивать телезвезду долго не пришлось. Мы просто позвонили ее режиссеру с номера Пита, выяснили, что Монро уже десять минут как должна быть в гримерке, и посадили бедняжку в моторикшу.

– А было бы здорово, если бы Микель не сбрендила, – мечтательно глядя ей вслед, сказал Пит, – первое ограбление на моей памяти, все таблоиды – наши, по часу телеэфира на каждом канале.

– Допрос у паладинов, год лечения от стресса и принудительная адаптация на Яве, – мгновенно обломала возлюбленного Машка, – я бы не повелась.

Я в детстве как-то бывал на Яве. Один вшивый кабак на весь астероид. Да черта с два я им дамся живым!

Короче, обсуждения плюсов и минусов нам хватило на минут десять, пока я восстанавливал мобил и набирал тете Эрике, которая уже, оказывается, битый час нас ждала у входа в отель.

Тетя оказалась мисипусечной бледненькой старушечкой в страшненьком сереньком, совсем не праздничном платьице с огромным букетом ярко-желтых отвратительно воняющих астр. Никогда не понимал этой моды – дарить людям отрезанные и медленно разлагающиеся репродуктивные органы растений. Некрофилией попахивает.

– Здравствуйте, тетя Эрика, я Вилли, а это мои друзья Маша и Пит, – начал было я разговор, но тетя Эрика неожиданно меня оборвала.

– Никакая я тебе не тетя, – отрезала старушенция, мгновенно просверлив навывлет всю нашу компанию злющими бегающими глазками. Никакой приветливости в ее интонациях не было и в помине, как будто я две минуты назад разговаривал по телефону с совершенно другим человеком, – давай, что принес.

Я немного растерялся и, ничего не понимая, протянул ей папину посылку. Злюка дрожащими от нетерпения руками схватила конверт, активировала допуск и вытащила оттуда... мою фотографию.

– Ага. Похож. Давай руку.

– Зачем? – Протягивать руку фальшивой тете Эрике у меня никакого желания не было. Но старуха ничего объяснять не стала, просто молча сцапала меня за палец, вывернула его почти до хруста и защелкнула на нем тонкое синее колечко. Я взвыл. Тетя Эрика гнусно ухмыльнулась.

– В номер не возвращайся. Сразу езжай к Кощею. Скажи,

чтобы закруглялся рыбачить в Соломоновом море. И ко мне пусть больше не обращается. Чао, камикадзе.

Выдав всю эту тарабарщину, тетя Эрика развернулась и мгновенно исчезла в толпе, оставив нас стоять с открытыми ртами.

– Вилли, что это было?

– Если бы я был маленьким мальчиком, то решил бы, что это была Бабка Ёжка собственной персоной.

– И куда мы теперь? – С тревогой в голосе спросила Машка.

– Конечно в номер. Там еще оставался алкоголь, и мне стало интересно. А еще, чтобы не послушаться противную старуху.

– Только быстро. Мне это перестает нравиться.

Как в воду глядела. В номере нас ждал сюрприз – Микель вовсе не съехала с катушек. Все три комнаты были перевернуты вверх дном. Все, что можно было вывалить – вывалено на пол. Все, что можно было использовать как хранилище информации, было вскрыто или разломано, включая несгораемый гостиничный сейф, у которого просто варварски вырезали дверцу.

– Вилли, надо делать ноги, – удивительно спокойным голосом сказал Пит, и я был с ним согласен на все сто.

Пробираясь через толпу в холле гостиницы, я ощутил острый приступ паранойи, когда по всему залу увидел прогуливающих парочками коротко стриженных громил в абсолют-

НО ОДИНАКОВЫХ ЧЕРНЫХ КОСТЮМАХ.

6

– Голли, это был плазменный резак, – уже в транспортном модуле вдруг выдала Верещагина.

– Ты о чем?

– О дверце сейфа.

– А почему не боевой лазер? Они тоже запрещены.

– Потому что лазер оставляет ровный край, а там все оплавлено было.

– Да какая нам разница? Хоть атомная бомба, теперь нами вплотную займется ПСС. Номер зарегистрирован на меня, так что нас уже вычислили, и пару лет нам полюбому придется пить явское пиво под безголосое караоке местных заключенных.

– Ты такой оптимист, Вилли. Видел в зале тех ребят в костюмах с поточного конвейера?

– А-а... Видел, думал, что померещилось.

– Не померещилось. Это были зануды. Такое пахнет не Явой, а пожизняком на Тиамат, если чем-то не похуже. Что тебе дала твоя тетя?

– Плазменный резак, зануды... Откуда ты все это знаешь?

– У меня полный шкаф книжек со штампами Службы Безопасности. Так что она тебе дала?

– Она мне не тетя.

– Вот именно. Мне еще раз повторить вопрос?

– Только вот это, – я показал указательный палец с узеньким прозрачным колечком из синтетического сапфира, такие цацки недавно начали входить в моду.

– Вроде бы просто кольцо, чипа не видно. Но все равно, лучше его снять, – Пит и Машка изучающе уставились на кольцо.

– Пробовал, не могу.

– Жопа. Голли кто-то подставил.

– Не кто-то, а его собственный папэ. Интересно, чем он так насолил Кощею.

А меня вдруг осенило, что я, в принципе, ничего не знаю о собственном отце, кроме общих фактов.

– Ладно, ребята, не дрейфьте. Если меня прижмут, то я вас не сдам. Маш, пока я мотаюсь к папэ, попробуй пробить его по сети и хотя бы приблизительно выяснить, во что мы вляпались.

Отцу я позвонил, только когда Неразлучники отправились домой. Ответил он далеко не сразу.

– А, Вилли. Как съездил?

– У меня возникла проблема, папэ. Нас пасли зануды. Во что ты меня втравил?

– Нас? Это нежданчик... Ну да ладно. Беги на Бартоломейскую, там на паркинге стоит твоя тачка. Седлай ее, и мигом ко мне во Фликс-Таун, Ганди, 14. Приедешь – поговорим, а то я сейчас по уши занят. И береги нервы, на свете нет ничего, из-за чего стоит так мандражировать, Вилли. Кста-

ти, мне Эрика что-нибудь передавала?

При упоминании квадрика мое настроение резко улучшилось.

– Баба-Яга бредит наяву, папэ. Сказала, чтоб ты заканчивал рыбачить в Соломоновом море, и сделала мне предложение руки и сердца, подарив обручальное кольцо. А, и добавила, что знать тебя больше не хочет, пока на свете встречаются такие красавцы, как я.

– Черт, – проигнорировал мой подкол Гюнтер фон Бадендорф, – короче, жду тебя дома через два часа, – и бросил трубку.

На Бартоломейской я понял, что папэ снова меня объегорил. Причем так, что я аж за сердце схватился.

Это был не квадратик. В персональной VIP-ячейке стояла, подмигивая мне хрустальными глазами и сверкая полированными плавными обводами кузова, настоящая BMW Nuke Flea, купе, полный альтернативный интеллект, разгон до прыжковой скорости – 3.2 секунды, шаттл-режим, метеоритная защита третьей категории!

– Добрый день, Вилли. Вам посылка, – мурлыкнула Ядерная Блоха и открыла бардачок, в котором обнаружился старый потертый кедровый ларчик.

Я ткнул в замок пальцем, и ящик явил мне свое содержимое, состоящее из чипа с косарем квот, сигары Cohiba, серебряной фляжки на 100 граммов и бумажной фотографии нестарящего папэ, меня в грудном возрасте и сногши-

бательно красивой девочки лет двадцати пяти с нашивками Разведчика.

Великий Хаос, это же наверняка моя мама...

Скажу вам честно, о папэ я знал мало. Это объяснялось вполне эгоистическими причинами – воспитывался я, как и все дети на планетоидах, в интернатуре. Папэ заруливал ко мне редко, но я в этом не особо-то и нуждался. А после выпуска общение так и совсем сошло на нет до недавних событий, что в нашем мире явление повсеместное – у нового поколения свои проблемы. О маме же я знал только, что она была кем-то в Дальней Разведке и, в один печальный для нас день, так и не вернулась из патруля. Я ее совершенно не помнил и, если честно, никогда особенно раньше о ней не задумывался, благо наша образовательная система отлично умеет заменять детям любящих родителей.

Я смотрел на маму, машинально прихлебывая из фляжки, и не ощущал вкуса. Я впервые видел ее лицо, а она была такая красивая...

Ох, не случайно папэ подарил мне все это, совсем не случайно.

Блоха наотрез отказала мне в праве сесть за руль с алкоголем в крови и самостоятельно повезла мое задумчивое тело во Фликс-Таун. Я был не против, балансируя на тонкой грани меланхолии и депрессии.

Фликс-Таун сложно назвать оживленным местечком. Тут проживают в основном пожилые пары Второго Поколения,

дома стоят далеко друг от друга, а ночные клубы также редки, как и прохожие. Настоящий рай для интроверта или доисторического ящера вроде моего папэ.

Уже вечерело, Ядерная Блоха мягко остановилась у дома №14 по улице Ганди. Домик был маленький, из серого кирпича с черепичной крышей нелепого голубенького цвета. Сроду не стриженный газон и росший на свое усмотрение боярышник наводили на мысль о том, что Гюнтеру фон Бадендорфу было недосуг включить робота-садовника.

Я вошел в гостеприимно распахнутую дверь, хрустя гравием под башмаками, и собирался задать моему единственному родителю тысячу вопросов, когда понял, что это скрипит вовсе не гравий, а осколки выбитых оконных стекол, что дверь не распахнута, а выжжена, что этот дом пуст, как разграбленная могила, а с моим папэстряслось нечто очень-очень нехорошее.

Рефлекторно набирая номер ПСС на мобиле, я быстро осмотрел дом. Папэ (или его фрагменты) отсутствовали по факту, зато в стенах нашлось много ровных круглых дыр размером с теннисный мяч. Я понятия не имел, как выглядят пулевые отверстия, но на вентиляцию это точно было не похоже. Особенно мне не понравились бурые лужи на полу и устрашающего вида изделие на обеденном столе с таймером обратного отсчета, в момент моего прихода показывавшего цифру 00:09.

И когда серый домик с голубенькой крышей, принадле-

жавший преподавателю прикладного транстайминга Гюнтеру фон Бадендорфу, взлетел на воздух, я уже сидел, съжившись на заднем сидении Блохи, сжимая в руках старинную бумажную фотку и молясь всем ядерным богам метеоритной защиты третьей категории.

Надо ли говорить, что дожидаться приезда ПСС я не стал? Мне нужно было затаиться, и я знал только одно место, где меня точно никто не будет искать.

Пока Блоха везла меня к Нью-Праге, я связался с Неразлучниками.

– «Гюнтер Берндт фон Бадендорф, предположительно 1968 года рождения, родился в Дрездене, профессор философии, один из основоположников философии Глобального Гуманизма и теории левиафанизма, секретарь немецкого подполья левиафанитов с 2010 по 2015 год», бла-бла-бла.

– Что бла-бла, Маш, все читай!

– Это не интересно, Вилли, а вот дальше – горячее. Слушай. «Кнут Кристенсен, Бон Нга, Карим Хайдаров, Рой Хеинц – вот не полный список псевдонимов, под которыми Гюнтер фон Бадендорф публиковал свои произведения». Кнут Кристенсен – автор «Ультиматума» между прочим.

– Я помню. А Карим Хайдаров – автор нашего гимна. Давай дальше, я понимаю, что ты только начала. Кто такой Бон Нга и Рой Хеинц?

– Бон Нга – проповедник-левиафанит в азиатских странах, расстрелян в КНР в 2014 году. Рой Хеинц – тот же прикуп, только в Латинской Америке, убит неизвестными католическими фанатиками в Аргентине во время пропове-

ди в фавелах, а потом самым таинственным образом оказался в Иране, чтобы быть прилюдно повешенным. Кристинсен, кстати, был взорван вместе с женой и детьми террористом-смертником из Аль-Каиды¹, когда пытался вывезти свою семью на Пантею, после чего радостно писал различные манифесты левиафанизма вплоть до своей безвременной кончины на Тиамате. Тебе не кажется, что как-то многовато смертей и нестыковочек для одного человека?

– Кощей, он же бессмертный, Маш. Давай дальше, выводы будем делать потом.

– Голли, приезжай ко мне и сам копайся. Разной инфы тут на терабайт, не меньше. Плюс еще на три – мифы и легенды.

– Не приеду. Мне надо сныкаться от Пасторской Службы. Молчание в трубке было красноречивее любых слов.

– Кажется папэ больше нет, Маш. И я еле унес ноги, когда они взорвали его дом.

Пауза.

– И куда ты?

– Не скажу, потому что не уверен, что мне там помогут, но я попробую.

– Ага... Я каждый день в семь буду сидеть в «Токугаве», Виль. Как только сможешь – приходи или пришли кого-нибудь.

– Спасибо. Сложится – свидимся, – я с грустью подумал, что не будь у нас отменен институт брака, то из Верещагиной

¹ организация запрещена в РФ

получилась бы замечательная жена. Но и сейчас она просто офигительная подруга.

Я дал отбой и выкинул мобиль в окно.

Блоху я оставил за квартал от Криштины, где жило большинство Нью-Пражских евреев.

Было четыре утра, когда я постучался к Леве Фляму.

Странно, но открыл он почти сразу, молча смерил меня с ног до головы изучающим взглядом и пропустил внутрь.

– Ну?

– Лева, я в жопе.

– Думаешь, я не догадался?

– Мне нужна твоя помощь и советы профессионального конспиратора. И пожить пару дней.

– Я с тебя действительно удивляюсь, Вилли. Беспорядочные знакомства сведут тебя в могилу, имей это в виду. А еще мне думается, что ты просто съел какой-нибудь просроченный стимулятор, с которого тебя так тарашит на панику, и тебе просто нужен врач и поспать.

– Лева, меня уже ищет ПСС, – и я все ему рассказал.

Лева выслушал. Лева налил мне стакан. Лева пощипал нос и посмотрел, не написано ли что-нибудь на потолке.

– Пойдем, посмотрим, что мы можем сделать с твоим горем. Я сейчас отведу тебя к одному еврею. Он может быть тебе сможет помочь, а может и нет, но в его присутствии, если у тебя есть хоть капля разума, не вздумай отпускать свои шуточки. Он очень религиозный еврей и может сильно оби-

даться. Это не далеко, через дом.

– Да какие тут шутки.

– Тогда пошли. Тебе повезло, он ночью не спит.

*Товарищ Сталин – Вы большой ученый,
В языкознании познали высший толк,
А я простой советский заключенный
И мой товарищ – серый брянский волк.
За что сижу, по совести, не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
Сижу я нынче в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы...*

Душераздирающая древнееврейская песня доносилась из форточки полуподвального помещения, примыкающего к ешиве.

– Это он о египтянах?

– Точно, о них! – Заржал почему-то Лева и протолкнул меня в узкую дверь.

Велвел Меламед был и сам похож на поджарого матерого волка в наглухо застегнутом узком пиджаке и с гривой седых волос под традиционной широкополой шляпой.

Откуда я знаю, что его звали Велвел? Да как же мне забыть своего первого Старшего Воспитателя в интернатуре? Бесконечно внимательный и терпеливый, знающий ответы на тысячу детских вопросов, Велвел Меламед навсегда останется

для большинства нью-пражан частью детства наравне с героями сказок Туве Янссен и Гофмана, которые он знал наизусть и рассказывал нам перед сном каждую ночь.

Я никогда не встречал его после окончания интернатуры и понятия не имел, чем он занимается в свободное от работы время, и кем был до переселения на Пантею.

– Здравствуйте, дедушка Велвел, – автоматически я назвал его так, как называл его четырехлетним ребенком, и от чего-то засмутился.

– Шалом алейхем, Вилли Бадендорф, – с памятью у дедушки было все прекрасно. И улыбался он, точно как в детстве.

Мне сразу стало намного спокойнее, но я понятия не имел, чем мне может помочь старый воспитатель младших классов.

Но через десять минут, когда мы слевой были усажены на две единственные находящиеся в комнате табуретки и напоены крепчайшим чаем, я рассказал всю историю еще раз и во всех деталях.

*В чужих грехах мы сходу признавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе,
Мы верили вам так, товарищ Сталин,
Как может быть не верили себе...*

Третий куплет был явно преисполнен для дедушки Вел-

вела и Левы какого-то тайного сакрального смысла, потому что оба они долго потом смотрели друг на друга, как будто телепатически решали, что же делать с этим свалившимся на их голову гоем.

– Поживешь у меня денек-другой. Из дома ни на шаг, никаких звонков, – наконец вынес вердикт дедушка, – а Лева за тобой присмотрит, чтобы ты нас всех ненароком под га-зенваген не подвел.

Или мне показалось, или моим спасителям почему-то очень понравилось, что у них прячется беглый преступник?

Я отлично выспался на жесткой деревянной койке в большой (три на три метра) комнате дедушки Велвела, пока оба моих благодетеля были на работе. Во вторую комнату мне заходить было не велено, и я, как паинька, даже туда не заглядывал.

После полудня, решительный и таинственный, в квартиру ворвался Лева с огромным чемоданом наперевес. Через пару минут пришел и дедушка Велвел, после чего мне был устроен форменный тест на профпригодность.

– Соблюдаешь ли ты заповеди для всех народов, Вилли?

Я понял, что от моих ответов что-то зависит, и спрашивать меня будут явно по еврейским законам. Проблема в том, что я не помнил ни строчки не только из Торы, но и из любого другого религиозного трактата, и никогда этим не интересовался. Поэтому я отдался на волю волн и решил просто честно отвечать.

– Не знаю, дедушка Велвел!

– Веришь в единого Творца?

– Безусловно, но наши представления о Творце скорее всего отличаются.

– Не поклоняешься ли идолам?

Хм. Понятное дело, что я – левиафанит, то есть с уважением отношусь к происхождению Вселенной, считаю, что мир непознаваем, но стремиться к знанию просто необходимо. А молиться и лобызать доски или камни – увольте. Что до Левиафана, так ему никто не поклоняется, да и зачем? И дедушка об этом отлично все знает, так что смысл происходящего граничит с фарсом. С другой стороны, если это ритуал, то нас с детства учили уважать чужие убеждения.

– Идолам не поклоняюсь. Это не гигиенично.

– Говорил ли хулу на Творца?

– Нет! – Я вообще о нем ничего никогда не говорил.

Дальше я мгновенно сообразил, что никогда не мучил живых, не совершал убийства, не думал о суициде, не воровал и даже не совершал фактического прелюбодеяния (по причине отсутствия у левиафанитов брака), а также избрал справедливый суд в лице непредвзятого и лишённого эмоций компьютера, который с этой задачей отлично справляется уже лет двести.

Дедушка Велвел с чего-то грустно вздохнул, а эстафету подхватил Лева.

– Что ты сделаешь, если ты вдруг узнаешь, что твой отец

покинул тебя и не вернется?

– Знаешь, Лева, наверно поплачу.

– А если найдешь этому виновных?

– Пойду в ПСС, а если будет нужно – к самому адепту Илаю. Я занудам такого не прощу, это наш планетоид, на своей земле пусть что хотят, то и делают, а тут им не место, чтобы людей взрывать.

– Вот и иди к нему, Вилли, нечего по подполам отсиживаться, – радостно улыбнулся дедушка Велвел и мягко, но настойчиво, вытолкал меня за дверь.

Вы что-нибудь поняли? И я – нет. Загадочные люди эти евреи.

8

Адепт Илай жил, как и подобает человеку-легенде, в мраморном дворце в греческом стиле с золотым куполом. Я пару раз проезжал мимо, но никогда прежде не пытался попасть на прием к владыке нашей теократии. Не по причине его недоступности, а просто за ненадобностью. Вход-то к нему всегда открыт для любого, главное соблюдать регламент.

Во дворец вела широченная лестница, на которой мониторились пошаговые правила аудиенции, всего пять штук: «Вход строго по одному», «На прием по изменению личного договора люди в нетрезвом виде не допускаются», «Вытирайте ноги», «Вопросы договоров модифицированных граждан не рассматриваются», «Подумай еще раз!».

Сильно нервничая, я вытер ноги и вступил под литой золотой свод дворца-храма.

Его преподобие, обложенный со всех сторон шелковыми подушками, лежал на троне размером с половину футбольного поля и храпел так, что висюльки на люстре качались. Рядом с необъятным телом адепта по заключению договоров стоял очень прозаичный пакет с молоком и тарелка с печенюшками. Во всем этом чувствовалась какая-то издевка и над дворцом, и над посетителем.

Зазвонил колокольчик, и адепт изволил открыть один

глаз, рассматривая меня безо всякого интереса.

– Вопросай, отрок. Ты по договору или по личному?

– По личному, ваше преподобие. Вчера во Фликс-Тауне баалиты похитили, а может быть и убили моего отца, Гюнтера фон Бадендорфа.

Адепт Илай колыхнулся и открыл второй глаз.

– Так-таки похитили и убили?

– Да, ваше преподобие.

– Прямо во Фликс-тауне?

– Да, ваше преподобие, и дом взорвали.

– Гюнтера Бадендорфа?

– Да, ваше преподобие!

– Надо же, какой кошмар! – Сказал адепт Илай и закрыл оба глаза.

Подозрение, что надо мною издеваются, переросло в твердую уверенность. Я что-то такое слышал о не вполне адекватном поведении нашего владыки, но подробностей не помнил.

– Ваше преподобие, это же нарушение нашего суверенитета и неслыханное уголовное преступление!

– О, да-а... – Кажется адепт собирался снова захрапеть.

– Ваше преподобие, но вы ведь предпримете меры?

– Какие? – Оба глаза снова открылись.

– По задержанию преступников...

– Я? Я договоры рассматриваю, а не жуликов ловлю. Я, между прочим, духовное лицо, а не участковый! Что, по-тво-

ему, я должен предпринять?

– Пнуть ленивцев из ПСС, Владыка. А если вам наплевать, благословите, я сам этими занудами займусь, – я что-то не на шутку разозлился на эту вредную массу.

Адепт Илай перестал готовиться ко сну и даже сел.

– Нет, не благословлю. Во-первых, ты не паладин, во-вторых – благословение тебе не требуется. Я вас, Бадендорфов, знаю. Вам хоть кол на голове теши, все равно все сделаете по-своему.

А ведь и точно, адепт Илай скорее всего очень близко знал моего папэ.

– Тогда хоть расскажите мне о нем.

– Твой батя, мальчик, законченный алкоголик, нахал, бабник и плут, каких мало. Так ему и передай!

– Вы не верите, что он умер?

– Уммер, Шуммер, да какая разница, лишь бы был здоров, – потерял интерес к беседе владыка и снова захрапел.

Я вернулся в квартирку дедушки Велвела в полном отчаянии. Лева уже был дома, пил чай и с интересом наблюдал, как я мечусь по комнате, заламывая руки.

– Судя по твоей непревзойденной актерской игре, адепт Илай ничего толкового не сказал?

– Жирный гад даже бровью не повел.

– Предсказуемо.

– С чего бы это?

– Адепт Илай всегда был жестким сторонником соблюде-

ния гражданских прав и Конституции.

– Какое отношение мои гражданские права имеют к его отказу начать расследование дела государственной важности?

– Вилли. Мне кажется, что погрузившись в пучины своего горя, ты совсем позабыл, что живешь в самом благополучном мире, где ничего не происходит просто так, кроме случайного секса.

– Тогда я совсем ничего не понимаю. Какая выгода адепту Илаю мешать мне в поисках папэ?

– А он тебе мешает?

– Ну... Пока нет.

– А кто мешает?

– Рано или поздно за меня возьмется ПСС. И существует мнение, что ровно в ту же минуту я окажусь в кабине шахтерского бота на Тиамате.

В комнату вошел дедушка Велвел, увидел, что мы беседуем по душам, и молча присел на уголок кровати.

– Голли, а кто тебе сказал, что ПСС ринется тебя ловить? И как ты себе объясняешь, почему они до сих пор не связали тебя джутовыми веревками по рукам и ногам?

– Так я прячусь, между прочим, здесь и сейчас!

– Где прячешься?

– У вас прячусь! – Я начал ненавидеть этот разговор уже в открытую.

– У нас? У с недавних пор младшего инспектора ПСС

Фляма и ответственного координатора ПСС по воспитательной работе Меламеда? Вилли, я тебе честно скажу, ты – гений, и ПСС тебя тут точно никогда не найдет!

До меня долго не доходило. А когда дошло, то я даже не знал, бить ли Леве морду или говорить спасибо.

– Вот ты сволочь, Лева. То есть почти сутки ты сдерживал хохот и наблюдал, как я мучаюсь?

– Сдерживал. Пару раз выходил на улицу проржаться, конечно, но остальное время стоически терпел! – Лева широко улыбнулся, вытащил на свет бутылку водки и два стакана, – опять же, ты напоил меня, когда мне это было необходимо, надо же было отплатить тебе той же монетой.

Бутылка уже подходила к концу, дедушка Велвел успел сходить в соседнюю комнату помолиться, а мы все сидели. Левочка давно перестал надо мною подтрунивать, а после третьего стакана уже говорил почти сам с собою, явно развивая давно засевшую и никак не поддающуюся извлечению мысль.

– Понимаешь, Вилли, приколы заключаются в том, что когда-то адепты вроде Илая и твоего папэ строили этот мир вовсе не для самих себя. Они строили его для таких, как ты. Строили мир, а построили почти рай, скажи им спасибо. Помнишь историю? Мир в панике, через восемьдесят лет прилетит астероид, траектория полета которого со снайперской точностью пересекается с орбитой земли. Десятки проверок астрономических расчетов, сотни перепроверок. Отчаянье, восстания, голодные бунты на земле. Мобилизация средств и людей. Километровые очереди из добровольцев в рекрутские пункты. А что в результате? Самая крупная афера за всю историю человечества, «Ультиматум» и независимость орбитальной теократии. Ты в курсе, что твой папа – самый великий и ужасный врун в истории человечества?

– Илай мне на это намекал, но без точных масштабов коварства папэ.

– Гюнтер Бадендорф, да будет тебе известно...

– Гюнтер фон Бадендорф.

– Хорошо, Гюнтер фон Бадендорф. Хотя я не понимаю, почему ваша семья так цепляется за принадлежность к безземельному дворянству, которое потеряло смысл еще пятьсот лет назад.

– Оно дает нам ощущение собственной исключительности.

– О, у вас есть гораздо более веские поводы считать себя локомотивами прогресса. Вот тебе ярчайший пример. В середине двадцать первого века твой папэ однажды проснулся в плену навязчивой идеи, что все вокруг ему смертельно надоело, а изменить мир раз и навсегда можно, исключительно выступив в роли Гамельнского крысолова. Он неожиданно посчитал людей в массе не способными воспитать сколько-нибудь плодотворное и образованное потомство, которое, глядя на родителей, будет и впредь усердно убивать любого, кто отличается от них самих, воровать у подобных себе и цепко держаться за пришедшие из каменного века инстинкты.

Тогда, для начала, страшно решительный Гюнтер фон Бадендорф украл у них родную планету, потом, для верности, украл их детей, а потом, явно на всякий случай, навсегда украл у них возможность называться людьми. Вот это, я понимаю – размах! Я даже не знаю, какой приставочки перед фамилией теперь он достоин.

– Лева, что ты такое несешь?

– Правду таки. Давай я расскажу тебе то, что ты мог бы узнать в любой энциклопедии, но не захотел. Хочешь маленькую операцию по вправлению мозга? – Леву очень сильно понесло, – больно не будет, евреи – отличные доктора. Или сделай приятно дедушке Велвелу и прочитай сам, гугль тебе в помощь. Обещаю, тебя ждет много сюрпризов. Приходи потом ко мне вечером, подозреваю, что тебе снова очень захочется поговорить за стаканом.

– А у тебя самого вопросов не осталось, я смотрю?

– Почему же? Остались. И главный – почему в твоём присутствии я всегда так стремительно косею?

– Потому что пытаешься очень по-еврейски отмазаться от обязанности заниматься настоящим делом.

– Я так понимаю, что под «делом» ты подразумеваешь поиски своего папэ? Ну если он жив, то и сам объявится, а если мертв, то день другой точно подождет, не так ли? Тем более, что искать его должны палadini, и они уже ищут, поверь мне.

– Вот только найдут ли...

– С их-то опытом? Ни за что не найдут. Куда им до такого монстра.

И я позвонил Верещагиной. Мне нужно было вдохновение, а для начинающего авантюриста в природе нет ничего лучше для этого дела, чем длинные стройные женские ноги.

– Верещагина, шеметом ко мне, Пита оставь дома делать вид, что ты тоже там, – ну как я мог упустить такой шанс?

Машка ужас как удивилась и без слов прискакала ко мне, даром что не в бигуди и халате.

Она охала, ахала и даже потыкала для верности в меня пальцем, чтобы убедиться, что это я, а не голография. Но от меня разлило водкой, поэтому никаких сомнений в моей подлинности не оставалось.

– Вилли, блин, ты хоть представляешь, как я переживала?

– Пока нет. Раздевайся, – я, увы, был уже конкретно не в себе.

– Щаз-з, – Маша понимающе улыбнулась и достала капсулу эника, – ну-ка открой пасть, маньячина, сейчас мы живенько приведем тебя в порядок...

Мой породистый клюв мгновенно сглотнул наживку, тестостерон отступил в рамки приличия, и мы начали работу, попутно выяснив много интереснейших фактов, как-то...

Первоначально левиафанизм был чем угодно, только не религией. Первые работы моего папэ были посвящены способам коммуницирования людей, к общению совсем не склонных. В их число входили химики, физики и астрофизики всех мастей. На момент 2015 года, когда левиафаниты уже вовсю пиарили свою движуху, папэ прописался в окружении стафов телескопа Хаббл, что наводило на ряд мыслей по поводу возникновения телеги о приближении мега-астероида.

Тем более, что органайзинг прибытия астероида L-496 делали его тогдашние закадыки Аллен и О'Киф, а последую-

щие проверки данных проводили его же бывшая пассия и её-
ный напарник по работе и койке того же самого пола, но дру-
гого цвета кожи. Очень подозрительная картина, зная, что
мой папэ был мастером спорта мирового класса по скорост-
ному чпоку.

Далее по теме – на первых этапах создания эксперимен-
тальных станций самовыдвиженцами на работу в условиях
невесомости из народа стали (кто вы бы думали?) все его
бывшие коллеги по социальным тренингам в полном соста-
ве.

У меня сходу возник риторический вопрос – а был ли
мальчик? В смысле – астероид. Сдается мне, что был, но ис-
ключительно в рапортах многочисленных поклонниц моего
трудолюбивого предка. Ай да мой трахливый папэ! Вереща-
гина, твой скромный минет за кафедрой реально теряется
на фоне феерии его предыдущих оргий. Так что мне при-
шлось скрепя сердце согласиться, что Лева имел все основа-
ния подозревать Гюнтера фон Бадендорфа в грязной игре.

И неожиданно я понял, что мне стало действительно ин-
тересно происходящее. Настолько, что я даже почти без-
болезненно игнорировал поведение Верещагиной, напропа-
лую провоцирующую меня забавы ради и задирающую в са-
мом выгодном свете то ту, то иную аппетитную часть сво-
его невыносимо привлекательного тела, благо под эником
(ура медикаментозному сужению сосудов) секс практически
немыслим. Но видеть их, эти части тела по отдельности и все

вместе взятые – было удивительно приятно. И очень возбуждающе. Йес!

Это было именно то вдохновение, которое изредка удаётся слепить из эротических фантазий, пьяного угара и прихода на стимуляторах. Хотелось летать, писать стихи и танцевать. Если вы испытывали такое, то понимаете, что описывать данное состояние бесполезно. А если не испытывали – сочувствую, вы зря прожили свою жизнь.

Я знал по именам все пять миллионов бабочек в своем животе, слышал, как бьется Машкино сердце, и был готов дарить любому существу во вселенной неиссякаемое тепло. Наверное это было что-то вроде просветления от обратного, и я просто не имел никакого морального права не использовать его на полную катушку.

Временно прописанное в раю для неисправимых грешников тело Вилли фон Бадендорфа включило аналитическую программу и влило в нее на широком поиске все подтвержденные данные о папэ. Составило алгоритм правдоподобия, дополнило непроверенными фактами, предположениями и затребовало развернутый статистический отчет. Комп задумался, дрыгнул винтом, связался с сетью и выдал мне график хронологии всех известных телодвижений моего предка

Так я и знал.

– Машенция, сейчас ты видела, как работает истинный гений. Смотри, – я приобнял ее за талию и ткнул пальцем

в многочисленные системные разветвления графика, – видишь?

Машка посмотрела на график и, понятное дело, сразу ничего странного не увидела. Не удивительно, это у меня сейчас наитие и прорыв. Пришлось ткнуть ей пальцем еще раз.

График последовательных действий нормального человека во времени представляет из себя прямую. Но Гюнтеру фон Бадендорфу сроду не было дела до таких условностей, и его личная диаграмма раздваивалась, растраивалась и даже, порою, расчетверялась. Иногда после разветвления линия возвращалась к первоначальному линейному курсу, а иногда обрывалась. Видимо в этом случае мой папэ отправлялся на свиданку к Костлявой.

– Не поняла.

– Маша, включи второе полушарие. Мой папэ одновременно умудрялся находиться в одно и то же время в разных местах. Это утверждает программа, которая основывается только на проверенных источниках информации. Вроде бы бред, но кремний врать не умеет. Зато умеет врать мой папэ. Потому что если и он не врет, то мы имеем дело с первым научно доказанным фактом мистического присутствия, во что уже я не верю, потому что пророки так усердно, как он, пиписьками не трясут. Давай-ка заценим, что такого интересного он в эти моменты наделал.

Мы налили по стаканчику текилы и погрузились в изучение.

Первое раздвоение появилось буквально за год до анонса левиафанизма как

социального движения. В Москве Гюнтер фон Бадендорф и будущий адепт Илай вели психотренинги (видеозапись прилагалась), а в Мюнхене в это время Гюнтер фон Бадендорф участвовал в теософском семинаре, записи которого тоже были в наличии. Даты совпадали, и на обеих мувиках гарантированно был именно мой папэ.

– Хм. А что это у него во рту, уж не джоинт ли?

– Сигарета. Легкий стимулятор позапрошлого века. Его потом запретили, очень грязная была фиговина.

– Не пробовал.

– И не попробуешь. От нее все датчики токсинов с ума сойдут, плюс курение вызывало привыкание, а сама сигарета воняла, как помойка.

– Фу, какая гадость. Ладно, что там у нас дальше?

А дальше понеслась такая пурга, что текилы могло и не хватить. Под конец мы уже просто не могли вникать, а тупо прикалывались.

– Как тебе вот этот вот дифирамб здравому смыслу, когда он покупает билет до Боготы и обратно, чтобы быть там арестованным, посаженным и расстрелянным, но все же как-то улетевшим обратно нужным рейсом?

– Замечательно, но вот тут еще круче – он читает речь из Бангкока в хенгауте на собственных похоронах и обсуждает произошедшее с камрадами, среди которых он тоже при-

сутствует, но уже в Тель-Авиве. Хорошо хоть оба под псевдонимами, а то я бы решила, что он совсем совесть потерял. Причем тот, который в Израиле – женат, и у него двое детей. Такое кстати не раз уже встречалось.

– Отвал башки.

– Магия, чо...

Было уже часов шесть утра, и мы дико устали. Поэтому решили обдумать увиденное завтра, на свежую голову. Машка поехала домой, а я с квадратной башкой рухнул на койку, не раздеваясь.

Я подумал, что неплохо было бы пробить по сети этих его жен и детей, когда Морфей начал показывать мне свое необузданное порно с Верещагиной в главной роли.

– Двойники.

– Да нет, ты что. Найти одного двойника на произнесение речи он еще бы смог, согласен. Но ты сама подумай, как он уговорил бы два десятка зануд безупречной внешности вместо себя интенсивно клеить ласты?

Мы сидели втроем в безымянном итальянском кафе на парапете в районе Мостов и фантазировали под пару бутылок кьянти. Мое вчерашнее вдохновение иссякло, Машка была вялой и капризничала, только Пит проявлял признаки какой-то интеллектуальной активности.

– Ребята, мне кажется, что вы не с того конца начали думать, – Пит посмотрел на меня сквозь бокал, – вы думаете «как», а надо думать – «зачем», двоечники.

– Он продвигал левиафанизм.

– И-и? Зачем ему вообще потребовался этот гон про астероид? Он и без него не плохо справлялся, мне кажется. Что такого есть в космосе, чего тогда не было на Земле?

– Там его мочили зануды.

– Он сам был тогда занудой.

– Это были враждебно настроенные зануды. Ты хоть знаешь, что за кавардак у них там до сих пор творится? Куча племен, у каждого свой президент, все воюют со всеми. Корпорации, Христианский Епископат, два Исламских Эмира-

та, Латиноамериканский Социалистический Союз, Российская Монархия, да чего там только нет, включая совсем дикие страны, вроде Кубы. И везде за все надо платить. Представь себе, сидел бы ты тут сейчас, если б тебе пришлось платить квоты за воздух, воду, жилье, еду и торчево? При том, что на вершине распределительного узла сидит не наш альтруистичный АИ, а толстый и вовсе не симпатичный дядька, который все гребет под себя, и чья фантазия направлена только на сочинение новых способов выжать тебя досуха? Сомневаюсь, – Машка села на своего любимого конька.

– Но бывали же на Земле какие-нибудь удачные смены правительства? – Мне с детства не верилось, что люди могут вот так вот всю жизнь быть на грани вымирания и даже не пытаться хоть что-то изменить.

– Ага. Во время которых выкашивалось в среднем двадцать процентов дееспособного населения, а вовсе не симпатичный дядька все равно так или иначе появлялся. Вилли, у меня по истории 120 баллов. Земля во все времена была полной жопой, жопой остается и сейчас. Ты же насмотрелся на транстаймеров, так скажи, чем они от нас отличаются?

– Они глупые и тихие.

– Боже мой, Голли, ты реально сводишь меня своей невнимательностью с ума. Они не глупые – они не образованные. А тихие они, милый мой, потому что до сих пор боятся.

– Чего?

– Всего, Вилли фон Бадендорф, недалекий сын великого

папэ. Просто всего на свете. Они боятся просто потому, что не умеют не бояться. Они привыкли, что каждую секунду из кустов может выпрыгнуть все, что угодно – от каннибала с пулеметом, до сборщика налогов, чтобы содрать с них живьем шкуру. При том, что сам каннибал и сборщик налогов боятся точно так же и того же самого. Настолько сильно, что страх давно перешел в ожидание.

– И все очень хотят кушать...

– Не то слово, – Верещагина в один глоток прикончила свой бокал, явно размышляя о том, а был ли на Земле такой вот чудесный кьянти.

– Не весело. Интересно, а когда мой папэ перестал бояться?

– С чего ты взял, что он перестал, Голли? – Улыбнулся Пит.

– Ну как. У него же хватило кишки все это провернуть?

– Вилли не разбирается в баалитах, Пит. Хотя он ни в чем, кроме баб, не разбирается. Да и в бабах-то не очень. Можешь ему втолковать, а то у меня уже сил никаких нет?

– Могу. Но исключительно ради тебя, моя вермишелька. А ты внемли мне, несущему великую мудрость седой древности, о отрок! – Пит соорил постную рожу, удивительно похожую на морду пекинеса, – все дело в естественном отборе и природных инстинктах, а именно в инстинкте размножения. Секс – всему голова. Страх за себя у животных отступает на второй план, когда они начинают защищать свое

потомство, иначе виду было просто не выжить. А поскольку гомо-сапиенс – все те же приматы, то это в полной мере распространяется и на них. Почему твой папэ, ты, я, Маша и любой человек так любит трахаться? Природа дала нам оргазм, чтобы мы размножились. Тупая, но эффективная замануха. Первобытный «ты» хотел трахать первобытных же самочек много и часто, оставляя свой генофонд и увеличивая численность вида. Больше секса – больше детей. Больше детей – больше других самцов будет трахать новых самочек и плодить еще больше детей. Борьба вида за доминирование, проще некуда. И на фоне этого базового инстинкта начинается внутривидовая борьба, когда потомству необходимо дать время, чтобы оно подросло до полноценной особи, защищая их от своих же крайне злых всеядных приматов-соородичей. И тут самосохранение отступает на второй план, потому что чисто практически твое многочисленное потомство важнее для вида, чем ты сам. Мало кто отдает себе отчет, но эти же правила до сих пор лежат в основе всех человеческих отношений. Добро пожаловать в начальную школу, салага. Твой папэ всего лишь довел эту схему до логического финала, придумав и реализовав программу, которая позволяет оградить свое потомство и потомство своего племени от абсолютно всех негативных влияний окружающей среды.

– Черт, никогда бы не подумал, что, по сути, любой фон Бадендорф – всего лишь огромная доминантная белая горилла. Теперь я понял, какими глазами меня видит Маша.

Сейчас я себе бы, увы, тоже не дал.

– Не она одна. Зато у твоей гориллы есть вечно готовый воткнуться в любую дырку толстый розовый член, фетиш всех других самцов человекоподобных обезьян. Тебя это по идее должно успокаивать.

– Что-то не очень... И вовсе не в любую. Но ты же сейчас опять сведешь всю эстетику отношений к биохимии мозга.

– А как же! Что такое красота, как не фактор оценки подходящего для спаривания партнера? Но ты не парься, скоро тебе надоест об этом думать, и ты завалишься в первый попавшийся клуб, где наверняка присунешь по-взрослому какой-нибудь неосторожной девочке, наглядно подтвердив на практике мою правоту.

– Обязательно присуну. Потому что я – горилла, и мой папэ – горилла, и только мама моя была ангел и разведчик дальнего космоса. А что. Квоты есть, пойдете со мной, я угощаю. Увидите, как умеют веселиться настоящие могучие приматы.

– Ты выиграл, Пит, он это предложил, – улыбнулась Машка.

– Жизнь меняется, Вилли – нет.

И мы снялись с якоря, взяв курс на «Эйфорию».

Я проснулся. Ох, ребятки, зря я это сделал. В моей палитре не существует настолько мрачных тонов, чтобы описать вам всю глубину страданий от сегодняшних отходняков.

Моя голова превратилась в источник непрекращающейся боли, а желудок – в юдоль тяжести и тошноты. Изнасилованный всеми видами допустимых (и не очень) стимуляторов организм утверждал, что он давно умер и попал в ад. Единственное, что могло окупить такие муки, это отрывочные воспоминания о произошедшем за ночь.

Мы вошли в «Эйфорию» в неурочное время – семь вечера. Мы были суровы и решительны, мы шли, чтобы проверить на прочность трехзначную сумму квот на роскошь. «Эйфория» содрогнулась. Не первый раз замужем, она ценила беззаветную преданность делу и помогла, чем смогла.

Сначала мы зверски отомстили Патриции, купив ей выходной. Хрен тебе, сука, а не участие в самом злом угаре этого года. Минус тридцать квот. Охране было строго-настрого указано не подпускать ее ближе, чем на сто метров к клубу.

Мы выслали срочные приглашения всем, кого хорошо знали, плохо знали и не знали вовсе. Я купил халяву на фэйк любому, кто войдет сегодня в двери заведения. Минус двести. Потом мы одумались и составили было гест-лист, но было уже поздно – клуб был забит до отказа уже в восемь, на-

ши статус-рейтинги зашкаливали, и нам пришлось держать марку.

Маша вызвала тяжелую артиллерию топ-5 аудитор-VJев, я перебил контракт у модов из «Flex», Пит тупо позвонил в агентство и заказал фэшн-шоу. Минус сто семьдесят.

Потом мы окончательно поехали мозгом и позвонили Машинной маме с вопросом, а во сколько нам обойдется устроить лето в Нью-Праге на 8 часов. Мама сказала, что больше никогда не пустит дочь гулять по улице в такой сомнительной компании и согласилась на сотку. Через час температура на улице поднялась до +25, а в полночь даже дали грозу.

Нас посетила мысль отказать в проходке журналистам, но потом мы сжалились и разрешили им присутствовать. В том случае, если они будут неглиже, камеры не в счет. К моему счастью к двадцати трем часам в клубе было около ста процентов полностью раздетых как журналистов, так и посетителей. С камерами и без камер. Бесплатно.

Потом я просто дал еще полтинник Анжи, арт-директору «Эйфории», чтобы он рулил сам, потому что мне хотелось быть в толпе. Анжи понял, пожал мне руку и забил меня в систему, как VIP на вечные времена. Еще бы он этого не сделал...

А, да. Это первое и, надеюсь, что последнее тусэ, которое охраняли паладины. Палы приехали сами, молчали, улыбались и только изредка делали замечания особенно расхреначенным персонажам. Великий Хаос, как же я люблю

свой мир!

Стоило мне выйти на танцпол, как началась заруба.

Маша и Пит в невменозе методом мистера Тыка выбрали из толпы произвольных членов жюри для показа моды. Показ провалился, слишком уж в зале была разношерстная публика. Наш рейтинг пошатнулся.

«Flex» снова были на высоте. Наш рейтинг поднялся вместе с ними.

Тусэ под фэйком начала раздевать окружающих на улице. Рейтинг взлетел до небес.

Маша и Пит уже были в толпе и творили нечто незабываемое. Плюс двадцать пунктов.

В два часа ночи молодчинка Молох выдал «Эйфории» лицензию на квоты за заслуги перед Отчизной за высший процент зачатия новых членов общества. Наш рейтинг реально офигел, и в «Эйфорию» повалили супер-моды.

Я вдул новую порцию фэйка, точно зная, что это был уже гарантированный перебор.

Помню модку из «Талеров» у себя на коленях. Помню не очень удачный секс с не в меру подвижной киберпанк в кабинете Анжи. Смутно помню душевную беседу с кем-то в черном костюме и с лысым черепом на предмет, что все мы тут чмо и умрем в муках, потому что все мы гомосексуалисты и уроды, не взирая на пол и возраст. Почти не помню ничего, кроме пары оргазмов, с кем – убейте, совсем не помню. Табло рейтинга в тумане, Маша на Пите под потолком

клуба в свете пушек сплелись в ритмично дергающийся клубок нервно содрогающихся в экстазе мышц. Танцпол качается, как палуба пиратской бригадины, люди падают за борт, а мне смешно, и огромные белые гориллы трясут пальмы и раскалывают уверенными движениями кокосовые орехи своими...

Нет, ну его, не стоит подробно об этом.

Кто-то вез меня домой. Кажется, что это была Патриция, но может быть это был и Анжи.

Потом была пустота, а за нею пришли адские муки. Не зря левиафанизм утверждает, что за все придется рано или поздно платить.

Да, я платил сполна, и знал – за что.

Амен, мать его.

Утро добрым не бывает. Если я и позабыл про зануд, то зануды меня запомнили крепко-накрепко и адрес записали. Через пару дней после своей триумфальной ночи в «Эйфории» я вернулся домой под утро от моей очередной знакомой и обнаружил, что мое жилище превратилось в решето в буквальном смысле этого слова. Стены в дырочку на вылет, мебель в крупный бронебойный горошек, сыр Эменталь для настоящего мачо, ядри его в качель. Непобедимая Бруня забилась на чердак и устроила там сама себе форменную молчаливую истерику. Паладины мгновенно взяли меня в оборот, трепали по плечу, сочувственно заглядывали в глаза и целый час трясли на предмет, не нужна ли мне срочная психологическая помощь. Но, поскольку стресс-тест оба раза показал, что я в полной норме, хотя конкретно и удивлен произошедшим, меня отпустили на все четыре стороны, настоятельно порекомендовав сменить место жительства на Цитадель до окончания следствия. Я пообещал подумать и через две минуты спринтерского забега уже скребся в дверь к дедушке Велвелу.

Потому что начал понимать транстаймеров.

Мне было страшно.

Да, блин, я всегда мечтал стать авантюристом. Но есть же разница между приключением и изрешеченным из «Гейзе-

ра» диваном, на котором ты так любил спать? Ребята, поймите, я готов совершать глупости и поступки, но я категорически не готов ни за что умирать, тем более совсем уж хрен пойми за что.

О, Великий Хаос, дедушка Велвел был дома. Дверь открылась, и Велвел Меламед, мрачно хмурясь, впустил меня внутрь.

– Дедушка Велвел, мне нужен ваш совет как человека и как работника ПСС.

– Я знаю, Вилли, – дедушка выглядел очень грустным, настолько, что мне вдруг стало его почему-то очень жаль. Гораздо больше, чем себя.

– Вы мне поможете?

– Конечно я помогу тебе, Вилли.

– Дедушка, может я не вовремя, вижу, что вы чем-то огорчены. Что-то случилось?

– У старого еврея всегда много проблем, Вилли. Но что может приключиться со старым одиноким евреем, у которого нет жены и детей? Не волнуйся, мальчик, все самое печальное со мною уже давно произошло, и мы не будем об этом. Садись, давай-таки поговорим о тебе, это сейчас нужнее.

Фиг знает почему, но я вдруг почувствовал себя эгоистом высшей пробы.

– Дедушка, я найду и сяду, конечно. Но ни слова не скажу, пока вы сами не расколетсяе, что произошло, или не скажете,

что это не мое дело, или в конце концов не улыбнетесь.

Дедушка Велвел посмотрел мне в глаза, а потом так широко и ласково улыбнулся на заказ, что будь я прежним Вилли-Голли, на раз бы поверил, что никогда в жизни Велвела Меламеда не было ничего радостнее факта увидеть именно меня и именно сейчас. Чтоб я так жил, как умеет улыбаться этот величайший в мире артист, если вы меня понимаете.

Ясное дело, что мне стало еще неудобнее, но выхода у меня не было.

– Дедушка, мне очень страшно. Только что кто-то расстрелял мой дом, и я не знаю, куда мне идти и что делать.

– Ты соблюдаешь заповеди и тебе уже дано здесь безопасное место. Не беспокойся об этом, а подумай, что ты можешь сделать, чтобы и впредь тебе было место на твоей земле и за ней.

Я замолк. Мне вдруг подумалось, что я могу, может, еще почувствовать, как много старый еврей может сказать глазами, но то, что он говорит словами – надо бы хорошенько осмыслить.

Дедушка Велвел вовсе и не торопил меня. Он налил чаю в алюминиевую кружку, достал каких-то пряников и терпеливо ждал, что я ему скажу. А мне уже совсем стало не интересно, кто и зачем изрешетил стены моей хибары, а стало интересно совсем другое.

– Дедушка, скажите, а как вам, евреям, живется тут, на Пантее?

– Очень хорошо живется, Вилли. Нам никто не мешает, и это совсем необычно. Но это не наш дом, хоть нам тут и хорошо.

Типичный еврейский честный ответ. Вроде чистую правду сказал дедушка Меламед, а вроде бы и не сказал чего-то самого важного.

– А вы знаете, почему у нас всем запрещено афишировать любую религиозность, а евреям можно и нужно?

– Да, знаю.

Опять двадцать пять. Ладно...

– Почему?

– Потому что те, кто делал это место, сказали в свое время: «У евреев много ученых, пусть живут в своей вере, без ущерба, среди нас и помогают нам, а мы будем помогать им, и будет нашим народам от этого великая польза».

Ну что ты будешь делать, а?

– Но вы же грустите по родине?

– Да, конечно, каждый еврей считает, что ему нужно быть в Израиле.

– Но сами вы не едете.

– Как могу я, Велвел Меламед, бросить детей, которых я берегу? Кто будет учить их? В вашем народе нет родителей, кто еще позаботится о вас, кроме меня и других евреев?

Я быстренько прикинул и понял, что в интернатуре ПСС действительно работают преимущественно евреи. В медицинском секторе, кстати, тоже. Странно, но раньше я на это

как-то не обращал внимания. Хотя на что, кроме хорошего женского экстерьера я вообще обращал свое внимание?

– Простите меня, бабушка, я сейчас буду думать вслух. Мы, левиафаниты, живем среди евреев, а евреи живут среди нас. У нас разная вера и разная жизнь, но вас это устраивает? В чем прикол?

– Мальчик мой, почему ты думаешь, что у нас разная вера и разная жизнь? И вот в эту улыбку я поверил по-настоящему.

Я воткнул, я опешил, я очень сильно растерялся, потому что никогда не читал ни Тору, ни Манифест левиафанитов. Мог бы, но не читал. И впервые допер, что ни на одном из занятий нам не преподавали ни того, ни другого. Какая прелестная теократия без религиозного обучения, что за фигня?

Если нет понимания вопроса, но есть уважение к собеседнику, прояви его, сказала моё я. Пришлось немного покопаться в памяти и вспомнить уважительное обращение на иврите к учителю.

– Рабе Велвел, я так хочу спросить вас о многом, что не знаю, о чем спросить прямо сейчас.

– Это хорошо. Теперь я здесь не зря, – сказал мой учитель младших классов Велвел Меламед, которого я статистически видел намного чаще, чем своего неугомонного папэ.

И еще он рассказал мне, как нужно правильно общаться с одним нашим общим знакомым.

13

С точки зрения моей собственной безопасности дедушка Велвел меня категорически успокоил. Кто бы ни разбомбил мою хату, снова они туда не сунутся, тут ПСС и ее паладины в лепешку расшибутся, но террористов отыщут в рекордные сроки и отправят петь караоке на Тиамат.

Только я и сам очень быстро додумался, что нападение на меня, как личность, имело смысл в том единственном случае, если я представляю для зануд непосредственную опасность. А я, тусер, трахер, бухарик и торчок Вилли фон Бадендорф, явно не представляю опасности ни для кого, кроме молодых и неопытных туристок с Гондваны. Да и то, если у них размер груди колеблется от третьего до пятого.

Значит, представляю опасность не я, а нечто, принадлежащее мне.

Ясен пень, что это было то самое кольцо. Бабкин-Ежкин презент, подарочек престарелой сволочи, моль ее сожри.

Это и есть та вещь, с которой начались все эти приключения, и которой я обязан честью быть в любой момент нашпигованным пулями со смещенным центром тяжести.

– Колечко-колечко, сколько лет мне осталось жить?

– Ку...

– А почему так ма..., – мрачно изрек я сам себе и снова пошел по направлению к золотому куполу Храма Адепта

Илая.

Его святейшество ничем от себя прежнего не отличался. Много тела, молоко, печенюшки на подносе, крепкий здоровый сон. Разве что стайка полностью обнаженных супер-модок с невообразимыми торпедообразными грудями тусовались неподалеку в тени колоннады. Только вот, хрен ты меня теперь возьмешь на эту бутафорию, адепт Илай.

– Подъем, труба зовет.

– Ну что тебе опять от меня надо, Виллечка? – Крепкий сон адепта явно был чем-то вроде еврейских ответов дедушки Велвела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.